

ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.2-59-83

УДК 008

К ПОЛИГЕНЕЗУ УНИВЕРСИТЕТА

Кислов Александр Геннадьевич,

*доктор философских наук, профессор
кафедры философии, культурологии и искусствоведения
Российского государственного
профессионально-педагогического
университета, Екатеринбург,
Россия, 620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11
ORCID: 0000-0003-0826-8709,
Scopus Author ID: 57191443970
akislov2005@yandex.ru*

Сафронович Ирина Евгеньевна,

*старший преподаватель кафедры документоведения,
истории и правового обеспечения
Российского государственного
профессионально-педагогического
университета, Екатеринбург,
620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11
ORCID: 0000-0002-0155-7295
ResearcherID: O-8264-2017
isafronovich@bk.ru*

Шапко Ирина Валерьевна,

*кандидат философских наук,
доцент кафедры социологии и политологии
Уральского государственного педагогического
университета, Екатеринбург,
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26
ORCID: 0000-0003-0793-2479
ishapko@yandex.ru*

Аннотация

Предметом публикуемого исследования являются методологические подходы участников научных дискуссий к поиску ответов на вопросы о природе (происхождении), сущности, миссии (предназначении) и будущем университета как специфического социального института. Особое внимание уделяется признаваемому большинством исследователей университетов их *differentia specifica* – институциональной автономии и академических свобод членов университетского/академического сообщества,

т. е. признаваемых всем социумом их прав на свободные исследования, свободное участие в публичной полемике и свободную, в том числе публичную критику всех (не исключая авторитеты). Работа построена на сравнительном анализе текстов ряда наиболее репрезентативных участников этих дискуссий. В результате выявлены значительные расхождения как в декларируемых ими позициях, так и в их концептуальных основаниях. Важнейшими среди них признаются дихотомии эссенциализма и номинализма, а также моногенетизма и полигенетизма. Несмотря на то что наиболее распространенным в научной литературе остается европоцентричный моногенетизм, исследователи университетов всё чаще свидетельствуют о существовании автономии и академических свобод в учебных заведениях исторически более ранних, нежели средневековые западноевропейские университеты. Кроме того, исследования свидетельствуют о сворачивании академических свобод в современных университетах. Таким образом, моногенетический подход обнаруживает методологические границы, свойственные также и эссенциализму, побуждая к серьезному отношению и к номинализму, и к полигенетизму. Выводом настоящей работы стало признание неизбежности разноречивости методологических подходов в университетоведении подобно тем, что существуют и сохраняют свою эвристичность во многих других науках.

Ключевые слова: университет, природа университета, древнейшие университеты, моногенез университета, полигенез университета.

Библиографическое описание для цитирования:

Кислов А.Г., Сафронович П.Е., Шапко П.В. К полигенезу университета // Идеи и идеалы. – 2018. – № 2, т. 2. – С. 59–83. – doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.2-59-83.

Переосмысление феномена университета, который, будучи «очень сложным социальным институтом, должен время от времени подвергаться фундаментальному анализу» [34, р. XXVII], в последние десятилетия актуализировались вопросы о его сущности и предназначении, а также о его природе (происхождении). В результате этого с неизбежностью проявились и методологические дихотомии – и не только эссенциализма и номинализма, но и моно- и полигенетизма, подразумевающих его происхождение либо в одном месте и последующем распространении и репродукции появившейся модели, либо во многих и относительно, а то и абсолютно независимых друг от друга местах и эпохах. На эти методологические расхождения стоит обратить внимание, потому что выводы из их несовпадений представляются эвристичными и для «инноваторов», т. е. для тех, кто отстаивает идеи радикального преобразования/преодоления сложившихся версий организации университета и содержания университетского образования, и для «консерваторов» – т. е. тех, кто сложившимися версиями дорожит и прилагает усилия к их более или менее неизменному сохранению. Мы приводим эти термины в кавычках в том числе и потому, что границы

между этими «партиями» часто условны, всегда подвижны, и среди участников дискуссии немало таких, кто вполне относит себя к обеим, причем одновременно.

Поскольку инновационность – понятие оценочное, то неизбежна раскладка его на степени отхода от предполагаемой изначальной, классической, аутентичной, парадигмальной версии. Отход может быть частичным, осторожным, непринципиальным, а может быть и полным, радикальным. И могут быть некие промежуточные варианты. Но для всех инновационных вариантов должна существовать отправная точка осмысления – изначальный, он же – классический/парадигмальный университет. Впрочем, между «изначальностью» и «классичностью/парадигмальностью» возможен смысловой, прежде всего хронологический зазор. Так, например, вполне возможно трактовать средневековые западноевропейские университеты, чаще всего и рассматриваемые как исторически изначальные, лишь в качестве организационных предтеч иной, например гумбольдтовской, модели, которую и следует признавать классической, зрелой, раскрывшей и осознавшей свои потенции и миссию. Но и в таком случае признается отправная, пусть и не сразу вызревшая точка для сравнения, оценок и моделирования инновационных версий университета. Так, при всех различиях и относительной разновременности возникновения (а это уже некоторая, пусть «мягкая», но полигенеза) старейшие университеты Западной Европы (Болонья, Париж, Модена, Саламанка и др.) обычно и признаются сущностно едиными, что выдает эссенциалистскую позицию сторонников такого взгляда. В последнем случае утверждается возникновение университета не столько как локализованного явления, сколько как корпорации наряду с другими цеховыми/ремесленными, отличающейся от них прежде всего особым родом занятий («свободные искусства»), а потому и особыми привилегиями (самостоятельное и признаваемое повсюду присвоение ученых степеней, ношение титула и оружия, скидки при оплате жилья, университетский, а не городской суд и др.). Эти привилегии позволили университетской корпорации стать не просто автономной, но в некоторых аспектах и суверенной наднациональной институцией наряду с другими: церковью, религиозными общинами, государствами, семьями, кланами, кровнородственными или поселенческими общинами, муниципиями [32, с. 544].

Общеизвестно, что существовало несколько вариантов возникновения ранних западноевропейских университетов. Так, Париж, Болонья, Оксфорд, Монпелье – редкие примеры спонтанного образования университетов из старых учебных центров, при том что многие школы, даже прославленные, так и не стали университетами. Так, после XII в. в упадок приходит преподавание в Салерно, Шартре, Лане [10]. Второй вариант – уч-

реждение университета церковными или светскими властями (Валенсия, Саламанка, Неаполь, Тулуза). Третий – появление новых университетов в результате сепарации, т. е. открыто заявленного членами корпорации недовольства нарушением университетских свобод, что часто приводило к уходу членов университетской корпорации в другой город, где и возникал новый университет [32, с. 546].

Особое значение один из ведущих современных историков европейского университета как единого социального института П.Ю. Уваров придает именно спонтанности возникновения отдельных университетов: «Первые университеты никто не основывал, они возникают сами по себе. Поэтому высказывания “Филипп Август основал в 1200-м году Парижский университет” или “Фридрих Барбаросса основал Болонский университет” в корне неверны. Эти школы возникли сами, обретя единственную мыслимую тогда и очень удобную форму взаимной присяги (*conjuratio*), которую стали быстро называть *universitas* – сообщество равных между собой людей, принесших друг другу взаимную клятву, обладавшую тем, что потом будет называться юридическим лицом. *Universitas* – это не только объединение магистров и студентов, ибо любая городская коммуна, любая корпорация ремесленников была *universitas*. Впоследствии, в начале XIII века, этот термин стали употреблять только по отношению к учебным организациям» [29].

Вообще же средневековая корпорация – это «сообщество равных субъектов, основанное на клятвенном союзе, а также сообщество живых и мертвых. Этот союз и создается во многом для того, чтобы человек чувствовал себя и в загробном мире уверенным, что за него будут молиться... В первую очередь похороны и молитвы за помин души, а во вторую – улаживание споров, поддержание мира с соседями и проведение праздников» [31, с. 31] – вот задачи корпорации, подкрепляемые верой в Чистилище (имеющей свое секулярное продолжение в значении репутации). К ним прибавляются и другие задачи, обусловленные спецификой рода занятий ее членов и условий, в которых они живут и действуют. Так, в Болонье «именно студенты заключили между собой клятвенный союз, чтобы защищать друг друга в случае конфликтов с горожанами, улаживать внутренние споры и в том числе контролировать преподавателей. Потому что преподаватель может, например, недобросовестно читать лекции» [31, с. 35].

Признание, в частности, П.Ю. Уваровым некоторого варианта/вариантов парадигмальным/парадигмальными означает, что именно в этом/этих вариантах проявилась (могла бы проявиться) сущность университета, воплотилась (могла бы воплотиться) его идея, осуществится его миссия *par excellence*. И поскольку парадигмальная версия (версии) исторически где-то и когда-то реализуется, а затем с меньшими или большими от-

клонениями распространяется, воспроизводится, постольку все инновационные версии университета – это лишь разные варианты отклонений от парадигмальной – отклонения (абстрагируемся от одобрения/неодобрения) непринципиальные (несущественные) или принципиальные (существенные). В последнем случае речь идет уже либо не об университетах (это оценка с эссенциалистской позиции), либо об абсолютно отличной от предшествующих версии/версиях именно университета – университета «по имени» (это оценка с номиналистской позиции).

П.Ю. Уваров настаивает: «Мы не можем говорить о существовании в XI и XII веках университетов, скорее о предуниверситетских образованиях, студиях, учебных центрах» [29]. Более того: «Университеты возникают в Средние века. Ошибочно утверждать, что университет как форма учебного заведения существовал раньше. Были великолепные конфуцианские училища “школы полукруглого бассейна” еще во времена империи Тан, с IX века (скорее, еще раньше [30] – прим. авторов) действовала высшая школа Пандидактерийон в Константинополе, а школа Аль-Карауин в Марокко действует с IX века до наших дней, но всё это по природе своей не университеты. Это совершенно не умаляет их славы и достоинства, но университет – это нечто очень конкретное» [29]. Такая категоричность делает уместным напоминание об ответе основателя кибернетики Норберта Винера на вопрос, который был задан ему еще в середине прошлого столетия во время его популяризаторской лекции о машинном интеллекте. Вопрос был: «А может ли, по-вашему, мыслить корова, раз это смогут делать машины?» Оценив иронию, Винер ответил не менее остроумно (и, заметим, номиналистски): «Всё зависит от определения!». От определения мышления в его случае, в нашем же – от определения университета.

Вот номиналистская позиция и позволяет трактовать университет как феномен условный, потому изменчивый и весьма многовариантный и, что самое важное, обусловленный: он рассматривается обязательно с учетом его включенности, вплетенности и даже растворенности во всегда значимом, прежде всего конкретно-историческом (социально-политико-экономико-культурном) контексте, который и служит его, университета, означающим – задающим, «оживляющим» в него свои значения (а не наоборот, т. е. по тавтологичному принципу «университет – это университет» [5, с. 29], где бы и в какие времена он не был). Номиналистская позиция не исключает признания моногенетизма университета, т. е. допускает признание того, что одна из его версий появляется хронологически ранее других, но, с точки зрения номиналистов, ни она, ни какая другая не становятся обязывающими для прочих, «заразительными» для всех других образцами, и, таким образом, очень разные и по структуре, и по содержанию образования, и по миссии, и по своим внутренним порядкам университеты

возникают в разные времена и в разных местах, к тому же изменяясь в ходе истории, порой радикально и многократно.

Эссенциалистам же при учете исторических метаморфоз приходится к отклонениям «от...» [сущности] прибавлять оценки отклонений «для...» [идеи, цели, миссии], например, возрастания разумности общества, хотя бы его элит, или для снижения прямых затрат на высшее образование, а то и извлечения из его организации и поддержки серьезной финансовой прибыли, или для эффективного использования в деле влияния на различные социальные слои, или для укрепления патриотических настроений нации, или для совершенствования всей человеческой породы или хотя бы социальных отношений, и т. д. Модели, выдвигаемые как инновационные, тоже могут быть оценены с точки зрения тех или иных отклонений от свойственных классическим образцам идеи, цели, миссии. В любом случае для подавляющего числа европейских авторов-эссенциалистов «браться за их реформирование, не понимая их средневековой природы, довольно странно» [29]. Так, знаменитый исследователь феномена университета Р. Нисбет квалифицировал современный университет как осколок Средневековья, который сохранился и функционирует не потому, что он сумел приспособиться к новым условиям существования по правилам всеобщей современной продажности *Gesellschaft* (университет способен жить лишь по цеховой корпоративной норме общности и равноправия *Gemeinschaft*), а потому, что современное капиталистическое общество вынуждено к нему приспосабливаться. Это вызвано тем, что оно не сумело выработать своего собственного трансмутационно-трансляционного интерьера (термин М.К. Петрова [24]) и за неимением лучшего и по органической неспособности выдумать лучшее обязано терпеть этот средневековый социальный институт [47]. Правда, сегодня крепнет впечатление, что терпение это у бенефициариев современного капитализма всё-таки может «лопнуть».

Крайняя, категоричная моногенетическая позиция, как и всякая крайность, конечно, выходит за пределы науки и имеет скорее политические или вкусовые («эстетические») основания: хочется или «по сердцу» отдать пальму первенства в происхождении университета как ставшего глобальным социального института определенному учебному заведению, в происхождении и уже поэтому – «образцовости». В качестве претендентов предстают многие из них. Но более других здесь преуспел Университет Болоньи, бренд которого теперь украшает одноименный общеевропейский процесс, распространившийся и далеко за пределы Европы. Но даже в своем категоричном варианте моногенетический подход не исключает полемики между его сторонниками и по вопросу предназначения (идеи, миссии) как важнейшего для университета. Эту полемику можно об-

наружить в многочисленных, порой весьма проникновенных текстах, созданных за последние века, в том числе и мэтрами, вошедшими в никем не оспариваемые академические «святцы». Немало уже и исследований и классификаций позиций в этой полемике [16].

Но при всей внутренней полемичности моногенетический подход требует неперемennого выявления *differentia specifica* университета, чаще всего и объявляемой существенным, над-, трансисторическим, со всеми, в том числе мистифицированными телеологическими выводами из этого уже неприкрытого платоновского, неоплатонистского, гегелевского и т. п. идеализма и, значит, эссенциализма. Так, редкий автор не упоминает в качестве наисущественнейшей *differentia specifica* университета академические свободы членов университетского/академического сообщества: права свободного исследования (выбора его предмета и методов), свободного участия, в том числе в публичной полемике и свободной, в том числе открытой критики всех (не исключая авторитеты) [15]. Академическими свободами наделяются не все – только и только признанные академической/университетской корпорацией ее члены. Ею (университетской корпорацией) и только ею, что требует обязательного условия и суверенитета или хотя бы институциональной автономии университета/академического сообщества. Таким – при всех отклонениях (нередко объявляемых позитивно-инновационными), вызванных, как правило, чрезмерным вмешательством иных социальных институтов (прежде всего государства и церкви, а теперь и рынка) – и предстает исторически сложившийся западноевропейский университет – наднациональная и внесловная корпорация ученых – умерших, живущих, становящихся (студенты), будущих (потенциальных) – такой «Вечный Университет», от образа которого недалеко и до образов «Незримого Колледжа» и даже «Предвечного Университета» (ср.: различие «Церкви земной» и «Церкви Небесной»). И это свойство университета сторонники различных методологических подходов связывают с особенностями конкретно-исторической обстановки (эпохи Григорианской реформы конца XI – начала XII в. прежде всего) [2, 17, 39, 41]. Разница лишь в оценке этого свойства как более или менее существенного, хотя В. Вахштайн справедливо напоминает о том, что «университетская автономия» – это всего лишь политическая метафора даже для начала Средневековья [5, с. 22].

А есть и другая – «церковная» – метафора университета как Церкви Разума – кстати, одна из самых сильных метафор самоописания университета, дошедшая до наших дней [5, с. 23], которую мы уже чуть выше начали описывать («Предвечный Университет») и которая позволяет мыслить университет как не имеющий никакого определенного месторасположения, не владеющий никакой собственностью, не выплачивающий жалований и

не принимающий материальных взносов. Настоящий университет в таком случае – прежде всего и даже исключительно – состояние ума, «великое наследие рациональной мысли», донесенное до нас через века и не существующее ни в каком определенном месте, которое возобновляется в веках сообществом людей, традиционно несущих титулы преподавателей, но даже эти титулы не являются принадлежностью настоящего университета. Настоящий университет – «непрерывный поток самого разума» [23], сообщество «разумодухновенных», «рационосных». Таким образом, университет оказывается и чем-то вроде фабрики по производству языков описания и объяснения мира и, конечно, самоописания и самообъяснения. Эта способность позволяет ему сохранять суверенитет и герметичность, которые связаны с его собственной позицией как точки трансценденции, внеположности описываемому миру.

И, несмотря на утверждаемую внеположенность университета миру, метафора университета как Церкви Разума актуализирует весьма конфликтогенную и очень посюстороннюю дилемму цезарепапизма/папоцезаризма, проблематизируя и без того непростые отношения государства и университета. Так, показателен призыв, прозвучавший на Конференции по социальной ответственности ученых в Лондоне в 1970 г.: «Провести размежевание, возможно полное размежевание между наукой и правительствами во всех странах... Это отделение науки от государства в том же смысле, в каком церковь отделилась от государства» [24, с. 232]. Студенты же в разных странах периодически демонстрируют метафизическую дистанцию между университетом и государством не только на конференциях, но и на улицах и площадях, применяя в качестве прочих «аргументов», увы, не только метафизические, но и физические возможности «коктейля Молотова».

Впрочем, есть и еще одна – более мирная – метафора послевоенной (середина XX в.) «социальной инженерии»: «Мир сошел с ума, произошла война, война нанесла непоправимый урон, и сейчас наша задача – “починить” этот мир. Университет – это то, что “чинит” Европу. Университет как механик, который после катастрофы разгребает покореженные корпуса европейских государств и своими осторожными действиями возвращает их в норму, снова ставит на рельсы. В этом языке университет более не суверенен, а в лучшем случае автономен» [5, с. 24].

Затем появилась еще одна метафора – университета как бизнес-корпорации. Неудивительно поэтому, что не всегда *differentia specifica* университета отождествляется с его сущностью, идеей, миссией. Так, сторонники трактовки сущности современного университета как коммерческого предприятия просто не имеют оснований считать коммерцию его *differentia specifica*: слишком уж много известно разнородных коммерческих предприятий.

На сущность, идею, миссию можно смотреть, конечно, и номиналистски – как на изменчивое измерение университета, одно из его измерений, всегда изменчивых и релятивных. Но для того чтобы он оставался университетом, а не перерождался или вырождался во что-то другое, должна сохраняться его пусть номинальная, условная, но *differentia specifica* – отличающий от всего другого хотя бы формальный, внешний, несущественный признак, например, как мягкая мочка уха в поисках отличающих человека от прочих приматов особенностей [13]. Конечно, и для такого случая могут найтись те, кто эту особенность объявляет наименее существеннейшей, продолжая упорные поиски подтверждений этой гипотезы.

Метафоры, будучи эвристичными, порождают гипотезы. Но гипотезы требуют проверки и, как следствие, опровержений или подтверждений. А в случае их недостатка или инфляции возникают новые гипотезы, пока сохраняется эвристическая сила метафоры. Так, современный университет по всему миру всё в меньшей степени сохраняет признаки «рациональной» герметичности, институциональной автономии и академических свобод. В эссенциалистской трактовке это означает либо постепенное исчезновение классического/изначального, значит, больше не парадигмального университета; либо его значительную институциональную трансформацию, но с сохранением своей существенной *differentia specifica* (например, уход в Web-сеть, тем более что в трактовке многих он и изначально – сеть [44], а признание того, что он изначально сеть – это, кстати, и признание полигенетизма университета); либо институциональную трансформацию, в ходе которой проявляется более существенный признак/признаки университета, его более существенная *differentia specifica*, менее признанная, а то и вовсе до сих пор игнорируемая, что не закрывает возможности и самых радикальных версий полигенеза.

С номиналистской же точки зрения очевидно, что сегодня «мы погружены в ретроспективную иллюзию, полагая, будто критический общедоступный университет «был всегда». Между тем периоды подъема университета как социальной организации и места производства знания гораздо более кратки, нежели периоды застоя. Строго говоря, уже XIII век был началом упадка университетской институции, как это хорошо показал Жак Ле Гофф [19]. Расцвет пришелся на XI–XII века, когда университет создавался в качестве самоуправляемой и предельно интернациональной и энергичной корпорации. В этот момент были заложены основы того общества равных, которое обеспечило основы университетской организации всех последующих эпох, и отчасти послужило моделью, в том числе политической, для некоторых демократических институтов в европейских обществах. В XIV веке университет вполне явственно движется к относительному упадку, или застою – прежде всего структурному – как по

социальному составу студентов (растет доля «богатых сынков»), так и по той роли, которую он играет в производстве знаний и общественных новаций. В XVI веке королевская власть институционально закрепляет свой интерес к университету как «кузнице кадров», и тот начинает играть ключевую роль в формировании нового социального слоя – национальной бюрократии... Специалисты по истории университета почти единогласно характеризуют XVI–XVIII века как весьма томительную паузу после интеллектуального бурления, характерного для Средних веков [3, с. 16–17]. И эти волны непродолжительной активности и продолжительного застоя, сменяя друг друга, докатились до наших дней, вдохновив многих управленцев, исследователей, профессоров и студентов метафорой коммерческого университета.

Потому сегодняшние пропагандисты инновационного университета отмечают и большей частью приветствуют эрозию классического университета, потерю им влияния, мечтательно доказывая необходимость его замены на нечто другое (например, на «университет 3.0»), на что уже претендуют назвавшие себя – не без помощи государства (его, опять по Г. Уэллсу, «кремлевских мечтателей») – «инновационные университеты». Менеджмент этих университетов, впрочем, редко отличается особой мечтательностью, учитывая вполне монетизированную поддержку государства. И, несмотря на то что такие вузы претендуют на роль «драйверов» и экономики, и всего остального, остается проблема, суть которой «заключается в противоречии между формально-инновационным управлением в сфере вузовской науки, ориентированным на быстрое достижение целей ее модернизации в кратко- и среднесрочной перспективе, и научно-педагогическим сообществом, очень взвешенно относящимся к соотношению старого и нового как в образовании, так и в науке, и ориентированного на достижение целей в долгосрочной перспективе <...> Конфликт между структурами управления и социальной общностью преподавателей вузов – это конфликт между “быстрым рынком” и механизмом долгосрочных инвестиций в научно-интеллектуальный капитал вузов» [1, с. 216].

По поводу долгосрочных и даже краткосрочных инвестиций в вузы можно, конечно, тоже возразить: «Вовсе не исключено, что, несмотря на весь пафос реформаторов, заявляющих сегодня о модернизации “архаичного” университета, основными центрами критического знания, как это уже было в XVI–XVIII веках, станут не университеты, а малые институции, находящиеся под прямым покровительством влиятельных патронов. Именно так в XVI веке создается Коллеж де Франс – клуб избранных интеллектуалов, которые под покровительством короля занимаются разработкой правил французского языка и точного мышления. Модель покровительства наукам со стороны отдельных меценатов уже действует в со-

временной России. Надо заметить, она куда менее проблематична в социальных и гуманитарных науках, чем в естественных. В соответствии с этой моделью центрами производства критического знания выступают не университеты, а небольшие издательства или журналы, исследовательские центры, вокруг которых и группируются ученые, не расположенные к бюрократическому типу карьеры. . . Сегодня им доступны относительно недорогие техники распространения, в частности через СМИ или интернет. . . и даже большие академические и образовательные институции сегодня делают всё более серьезную ставку на сетевые депозитарии, журналы, конференции. Очевидно, что эти способы не могут заменить традиционных образовательных техник “лицом к лицу”, которые в условиях массового обучения стоят наиболее дорого, отчего и становятся главной мишенью неоконсервативных реформаторов. Но если говорить о распространении малыми центрами произведенных ими специальных знаний, здесь можно достичь ощутимых результатов относительно скромными средствами» [3, с. 18].

Итак, очень вероятно, что грядущий социум «уже не будет нуждаться в университете. Если бюрократизация и коммерциализация университета будут продолжаться, – а все основания к этому есть, и нынешние планы реформаторов их лишь подкрепляют, – его судьба – впасть в социальную спячку на ближайшие десятилетия или даже века. В таком летаргическом состоянии будет продолжаться воспроизводство корпуса преподавателей, локальная борьба за ресурсы и даже институционализация некоторых новых дисциплин и специальностей. Но в истории, которая будет написана несколько столетий спустя, этот период удостоится лишь пары снисходительных строк: очередной период упадка университета на фоне расцвета малых интеллектуальных центров и больших социальных потрясений. Чем сильнее и прямолинейнее университет будет замыкаться на рынок труда, чем дальше он будет дрейфовать от модели интеллектуальной автономии к коммерческой, тем меньшим будет его интеллектуальное влияние на общество и историю» [Там же, с. 19]. Но дрейф, похоже, неизбежен, пока велика сила метафоры коммерческого университета. И она же размывает основания эссенциалистской категоричности в понимании и его сущности, и его природы.

И пусть полигенетическая точка зрения на происхождение университетов многим всё еще представляется экстравагантной, но даже самый распространенный научный – потому что более взвешенный и смягченный полигенией – вариант моногенетической трактовки происхождения университетов (в разных местах, но только и только средневековой Западной Европы) тоже можно упрекнуть и во «вкусовщине», и даже в ангажированности. Это европоцентричная трактовка: университет признается его спе-

цифическим продуктом сложившихся именно в средневековой Западной Европе факторов. Университет традиционно рассматривается как «европейская институция *par excellence*», один из трех столпов средневекового общества (*regnum, sacerdotium, studium*) и, более того, «единственная европейская институция, сохранившая свои фундаментальные основы и базовую социальную роль на всем протяжении истории» как самое очевидное доказательство глобального значения европейской цивилизации [34, р. XIX]. Эта точка зрения требует специального и обстоятельного объяснения причин не только способности университета скорее более, чем менее успешно пережить эпоху Средневековья, но и проникнуть и опять скорее более, чем менее успешно закрепиться и развиваться в контексте незападноевропейских культур и даже обслуживать их, в том числе в противостоянии Европе. Предлагаемые же в литературе объяснения пока не отличаются убедительностью.

Потому европоцентричная трактовка природы и сущности университета уже давно ставится под сомнение многими исследователями. В этом отношении показательна достаточно бурная полемика между Т. Хаффом [39–43] и Дж. Салибой [48–50]. Оспаривая тезис Хаффа о возникновении университетов как об одном из ключевых факторов и поворотном моменте в процессе институционализации науки, Салиба утверждал, что вклад исламского мира в развитие научного знания ничуть не меньше, чем Европы, и всё то, что западные историки считают исключительным достижением Европы – и университеты, и передовое научное знание, задолго до этого уже было у арабов [18]. Ст. Муциос также полагает, что «ни хронология, ни формальная сертификация, ни подготовка управленческих и профессиональных элит не дают оснований для концепции университета как европейской институции» [46, р. 6]. Поскольку высшие учебные заведения с подобными функциями существовали в разных частях мира задолго до XI века, единственным принципиальным отличием от них европейского университета можно считать лишь академическую автономию. В то же время Муциос оговаривается, что хоть это установление и было воспринято за пределами Европы, оно оказалось «весьма неоднозначным и шатким проектом» – тем элементом, который в пору «университетской экспансии» XIX–XX веков усваивался в последнюю очередь [Там же, р. 19].

Еще категоричнее высказывается против концепции Хаффа А. Дмитришин. Он не видит сколь-нибудь существенных отличий европейского университета от других институтов высшего образования и производства знаний, за исключением академической автономии, значение которой, по его мнению, сильно преувеличено. «В Средние века обучение находилось под церковной цензурой, а в Новое время его поставило под свой контроль государство. Современный университет прочно интегрирован в ры-

ночно-ориентированную общественную систему» [37, р. 16]. Так что разговоры о политической (физической) автономии университета, а уж тем более о метафизическом его суверенитете становятся карикатурными в свете коммерческой метафоры, от эвристической силы которой сегодня, увы, не отмахнешься «парой фокуснических фраз».

Европоцентристская трактовка спокойно воспринимает притязания отдельных западноевропейских университетов на историческое первородство, допускает параллельное становление нескольких и даже многих, чем начинает приобретать пусть и не ярко выраженную, но полигенетическую окраску. Эта окраска становится ярче у сторонников существенных различий средневековых южноевропейских и позднее возникших северноевропейских университетов. А приняв эту позицию уже не так трудно и во все отойти от европоцентризма – либо в сторону иного «...-центризма» (чаще – арабо-исламского, подчеркивающего вторичность европейских, особенно южноевропейских университетов по отношению к арабским), либо в сторону «неприкрытого» полигенетизма.

И действительно, странно игнорировать влияние на становящиеся средневековые западноевропейские университеты уже многие десятки лет на то время существовавших медресе, в ряде которых были распространены порядки, заслуживающие именованья пусть не суверенитета, но некоторой автономии и академических свобод [45]. Их признаки обнаруживают себя в довольно знаменитых и, бесспорно, более ранних, чем средневековые европейские, учебных заведениях [46], например, в упоминавшемся уже Аль-Карауне (г. Фес, Марокко) [27] или мечети-университете аз-Зайтуна (Тунис) [38]. Играли свою роль в становлении западноевропейских университетов и учебные заведения Константинополя и других центров Восточной Римской (Византийской) империи. Полигенетический подход побуждает к исследованиям внутренних и межинституциональных порядков и в расположенной в настоящее время в Пакистане Такшашиле, и в Наланде (шт. Бихар, Индия), и в Аль-Азхаре (г. Каир, Египет), и в Низамии (Иран), и в других древних учебных заведениях. Даже древневавилонские и древнеегипетские жреческие школы, а также система подготовки высокопоставленных китайских чиновников заслуживают дальнейшего внимательного анализа с этой точки зрения.

Присмотримся, например, к некоторым особенностям древнего университета Аль-Карауна. «Его основателем считается Фатима аль-Фихри, которая была дочерью богатого купца Мухаммада аль-Фихри. Она открыла мечеть и медресе в марокканском городе Фес в 859 году. Аль-Караун прежде всего прославился своими учеными, оказавшими значительное влияние на формирование мировой интеллектуальной традиции. Достаточно назвать такие имена, как Аль-Идриси, Ибн Хальдун, Маймонид,

Римский папа Сильвестр II (Герберт Аврилакский), Лев Африканский и многие другие. В XII веке в университете насчитывалось 8000 студентов. Это не считая того факта, что Аль-Карауин был не единственным университетом в Марокко и Андалузии в то время. Кроме богословия, преподавались также риторика, грамматика, логика, медицина, математика, астрономия, химия, история и другие науки» [20, 36]. Любопытно, что «значение Аль-Карауина не ограничивалось подготовкой ученых и мыслителей. Своими традициями, своей историей он оказывал влияние на развитие общей исламской и мировой культуры в сферах, далеких, на первый взгляд, от проблем науки и образования. Так, с университетом Аль-Карауин некоторые связывают появление выражения “халиф на час”. Раз в год студенты Аль-Карауина выбирали себе предводителя. Вновь избранный “глава студсовета” отправлялся с визитом к местному султану. Шествие от университета до дворца представляло собой веселую карнавальную процессию. Во время процессии и аудиенции студенту-“халифу” оказывались монаршие почести. Поскольку это происходило в праздник, когда в Фесе было много паломников из других стран, то рассказы об этом веселом действе довольно быстро распространились по исламскому миру» [27]. Отсюда и пошло знаменитое выражение «халиф на час». А еще университет Аль-Карауин создал первую студенческую униформу, дошедшую до наших дней, – феску (от названия города Фес). Изначально она была отличительным знаком студентов Аль-Карауина и постепенно распространилась в Египте, Сирии, утратив свой первоначальный студенческий смысл и став частью исламского гардероба, а в Османской империи стала частью военной униформы и чуть ли не обязательным элементом мужской одежды.

Крупным культурным и образовательным центром исламского мира была мусульманская Испания. Высшие школы Кордовы, Толедо, Саламанки, Севильи предлагали программы по всем отраслям знания – богословию, праву, математике, астрономии, истории, географии, грамматике, риторике, медицине, философии. Так что «образовательная практика исламского мира, в особенности арабская, значительно повлияла на развитие высшего образования в Европе» [11, 22]. Это влияние, преломляемое одновременными содержательной близостью и различием доминирующих религий, можно объяснить, опираясь на выкладки исламоведов [14], тем более что, как отмечает В.Г. Хорос, «первые века исламского мира принесли невиданный по своему размаху и достижениям культурный взлет, который называют эпохой арабского гуманизма или арабского Возрождения. И это справедливо не только потому, что мусульманские мыслители той поры обратились к культурному наследию античности (и познакомили с ним самих европейцев). Это верно еще и потому, что в эту эпоху в мусульманском ареале воцарился настоящий культ учености, жажда по-

знания. <...> В целом, по свидетельству историков науки, мусульманский Ближний Восток до определенного времени опережал средневековую Европу, которая заимствовала у него как технологии, так и сами основы научного знания. Не случайно многие термины – “цифра” (арабск. *сифр*), “химия” (*аль кимия*), “алгебра” (*ал-джабр*) и другие пришли к нам из исламского мира» [14, с. 250–251].

Т.К. Ибрагим обращает внимание, что изначально для мусульман «Божье откровение... воплощено в двух Писаниях/Книгах – Коране и Космосе, характеризующихся мыслителями классического ислама как аль-Китаб ат-тадвини («Книга письменная») и аль-Китаб ат-таквини («Книга осуществленная») соответственно. В случае первого (“сакрального”) откровения “инструментом” выступают пророки, а в случае второго (“естественного”) – человеческий разум. <...> Ислам явился в мир, когда человечество уже достигло такой интеллектуальной зрелости, что больше не нуждается в прежних, примитивных – “пророческих”, “сакрально-револютивных” – формах общения с Богом и постижения истины. Отныне оно должно полагаться на разум, на его способность адекватно прочитывать и интерпретировать Великую Книгу, Книгу Природы» [14, с. 11]. Так что в первые века исламской цивилизации «преимущественно благодаря интеллектуалистской установке Корана ... “знание” (*‘илм*, обозначающее также “ученость”, “науку”) приобрело такую значительность, которой нет равных в других цивилизациях. Люди той эпохи не только культивировали знание, лелеяли мудрость, но и наслаждались магическими чарами, исходящими из самого слова “знание”. Считалось, что знание необходимо для души (“сердца”), как пища и питье – для тела. Знание порой приравнивали к самой жизни, полагая, что если сердце не получает его в течение трех дней, оно непременно умирает. <...> На арабский язык, ставший языком науки и культуры для всего населения мусульманской империи, были переведены многие произведения античной, иранской и индийской мудрости. За эпохой переводов, длившейся около столетия, вплоть до середины IX в., последовал период собственно творческого развития унаследованных культурных традиций. В IX–XII вв. столица Аббасидов Багдад превратилась в научный центр мира, подобно тому как в свое время Афины служили его философским центром, а Иерусалим – религиозным. Интеллектуальная жизнь процветала и в других крупных городах мусульманской империи. Множество культурных очагов образовалось также в результате феодальной раздробленности, наступившей после X в., когда каждая самостоятельная династия стремилась сделать из своей столицы маленький Багдад» [14, с. 12].

В мусульманской цивилизации наука стала интернациональной, аккумулировав в себе достижения других культурных ареалов и объединив под

своим знаменем ученых разных этносов и конфессий. Как пишет Н.С. Кирабаев, «на протяжении почти шести столетий (с VII по XIII век) мусульманская цивилизация являла собой пример открытости к диалогу с другими культурами и цивилизациями... Именно открытость к диалогу позволила средневековой Европе рассматривать как составную часть собственной культуры не только наследие Античности, сохраненное и переданное арабами, но и многие достижения классической арабо-мусульманской философии, науки и культуры... консолидирующей основой средневекового мусульманского мира, состоящего минимум из трех халифатов (Багдадского, Фатимидского и Кордовского) и множества различных эмиратов, были толерантность и плюрализм. Арабо-мусульманская культура породила великого Ибн Рушда (Аверроэса), основные идеи которого определили ход развития средневековой Европы в учении латинских аверроистов о “двойственной истине”, к сожалению, сама мусульманская культура аверроизма так и не знала» [14, с. 29].

Герметизация мусульманской цивилизации – отдельная и тяжелая тема, но в первые свои века не могла столь мощная цивилизация не влиять на соседей, в том числе на европейцев – и христиан, и «варваров». Это не могло не касаться и учебных заведений, особенно высшего их уровня. Отрывать западноевропейские университеты от этого влияния – прием крайне искусственный. Содержательные и организационные заимствования были, конечно же, неизбежны [12, с. 148–149]. Исламская цивилизация в первые свои века – значимый фактор развития Европы, особенно Южной Европы, в том числе ее культуры, образования и – университетов, что требует дальнейшего внимания прежде всего историков, не только вдохновляемых эвристической силой методологических метафор, но пользующихся специализированным и совершенствуемым инструментарием проверки порождаемых метафорами гипотез.

Такого же внимания заслуживает и роль еврейских учебных заведений. Небольшие йешивы (учебные заведения, возникшие еще в III–VI веках [7], широко распространившиеся, особенно в Вавилонии, с конца VII по начало X века [8], в которых развивался метод тосафистских комментариев сказаний, восходящих к Устной Торе) так никогда и не превратились в крупные университеты. «Но это, скорее всего, было в первую очередь количественное, а не качественное различие. Системы обучения в йешиве и университете были очень похожи; такие термины, как “глосса”, “комментарий”, “вопрос” и “различие”, в равной степени применимы к обеим системам, равно как и понятие “ренессанс XII века”, обозначающее возрождение и расцвет учености и культуры в Высоком Средневековье. Интеллектуальные взаимовлияния были, по-видимому, обычным делом. <...> По форме своей тосафистские комментарии мало отличались от вопросов, аргументов и трактатов» [12, с. 148–149].

тов, обсуждаемых и создаваемых в христианских школах и университетах. Тосафистский и схоластический методы имели много общего» [28].

Арабо-мусульманский, семитский Восток как территория генезиса университетов – лишь ближайший к средневековой Западной Европе пример, имеющий свои аналоги и в других частях света, и в другие времена, к исследованию которых хочется призвать и тех, кем движет суверенный академический надвременный интерес, и тех, кто вовлечен в современный драматический поиск путей дальнейшего развития университета. Опираясь на доступные нам публикации историков университетов и других университетоведов, мы лишь попытались продемонстрировать разносочетаемость эссенциализма и номинализма с моно- и полигенетизмом в этой конституирующей в самостоятельную [9, 25, 26, 33] научной отрасли. Учитывая соседство как эссенциалистских и номиналистских, так и моно- и полигенетических трактовок от их крайних до неразличимых между собой версий почти во всех науках (прежде всего антропологии, лингвистике, этнологии, биологии, космологии и даже теологии), трудно исключить из их ряда и университетоведение, с чем, видимо, придется смириться и с благодарностью прибегать к эвристическим преимуществам каждой из версий в тех или иных сочетаниях (*ad hoc*-методология [6, с. 123–134]), в тех или иных случаях, решая те или иные исследовательские задачи.

Литература

1. Амбарова П.А., Зборовский Г.Е. *Время социальной общности*. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитар. ун-та, 2017. – 347 с.
2. Берман Г.Дж. *Западная традиция права: эпоха формирования*. – М.: Изд-во МГУ; Инфра-М–Норма, 1998. – 624 с.
3. Бикбов А. Судьба университета // *Культиватор*. – 2011. – № 3. – С. 5–19.
4. Вахштайн В. *Метафорика университета [Электронный ресурс] // Постнаука: web-сайт*. – URL: <https://postnauka.ru/longreads/13096> (дата обращения: 24.05.2018).
5. Вахштайн В. *Метафоры и метаморфозы университета // Культиватор*. – 2011. – № 3. – С. 20–30.
6. *Мастера производственного обучения в контексте междисциплинарных исследований / А.А. Воронина, А.Г. Кислов, В.А. Кошнов, Т.В. Пермякова, И.В. Чебыкина*. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2016. – 169 с.
7. Гершович У. *Еврейское образование в древности [Электронный ресурс] // Еврейское образование: взгляд участников*. – URL: <http://havura.info/number/10> (дата обращения: 24.05.2018).
8. Гершович У. *Еврейское образование в Средневековье [Электронный ресурс] // Еврейское образование: взгляд участников*. – URL: <http://havura.info/number/11> (дата обращения: 24.05.2018).

9. *Глаголева Е.В.* Повседневная жизнь европейских студентов от Средневековья до эпохи Просвещения. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 329 с.
10. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан [Электронный ресурс] / отв. ред. А.А. Сванидзе. – М.: Наука, 1999. – С. 230–232. – URL: <https://texts.news/istoriya-uchebniki-vsemirnaya/universitetskie-stepeni-56345.html> (дата обращения: 24.05.2018).
11. *Джурицкий А.Н.* История образования и педагогической мысли [Электронный ресурс]: учебник для студентов высших учебных заведений. – М.: Владос-Пресс, 2003. – 400 с. – URL: <https://studfiles.net/preview/6023794/page:26/> (дата обращения: 24.05.2018).
12. *Донских О.А.* О вреде профессоров в истории человечества // Идеи и идеалы. – 2010. – № 4 (6), т. 1. – С. 147–158.
13. *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении [Электронный ресурс]. – М.: РОССПЭН, 1997. – 418 с. – URL: http://aleksandr-kommari.narod.ru/Ilenkov_Dialektika_abstraktnogo_i_konkretnogo_v_nauchno-teoreticheskom_myishlenii.htm (дата обращения: 24.05.2018).
14. Исламская цивилизация в глобализирующемся мире: по материалам конференции [Электронный ресурс] / отв. ред. В.Г. Хорос. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 336 с. – URL: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2011/11018.pdf> (дата обращения: 24.05.2018).
15. *Кислов А.Г.* Университет эпохи постакадемизма: «Закат»? // Образование и наука: Известия УРО РАО. – 2007. – № 2 (44). – С. 107–118.
16. *Кислов А.Г., Шмурыгина О.В.* Идея университета: ретроспектива, версии и перспективы // Образование и наука. – 2012. – № 8. – С. 96–122.
17. *Кислов А.Г.* «Забота не о себе» классического университета // Вестник Томского университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 42. – С. 136–144. – doi: 10.17223/1998863X/42/14.
18. *Корневский А.В., Савчук В.С.* Университет – изменчивое постоянство [Электронный ресурс] // Новое прошлое / The New Past. – 2016. – № 2. – URL: <http://newpast.sfedu.ru/archive/moi-university-2-2016/universitet-izmenchivoe-postoyanstvo/> (дата обращения: 25.05.2018).
19. *Ле Гофф Ж.* Университеты и государственная власть в Средние века и эпоху Возрождения // *Ле Гофф Ж.* Другое Средневековье: время, труд и культура Запада. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 328 с.
20. Легендарные университеты исламского мира. Аль-Карауин [Электронный ресурс] // Medine: web-сайт. – URL: <https://tr.medinaschool.org/world/legendary-university-islamskogo-mira-al-karauin> (дата обращения: 25.05.2018).
21. От Авраама до современности: лекции по еврейской истории и литературе / под ред. Д. Фишмана, Б. Высоцки; пер. с англ. А. Ковалева. – М.: Изд-во РГГУ, 2002. – 389 с.
22. Педагогическая мысль и образование на Ближнем и Среднем Востоке (VII–XVII вв.) [Электронный ресурс] // Воспитание и школа на Средневековом

Востоке. – URL: <http://www.profile-edu.ru/vospitanie-i-shkola-na-srednevekovom-vostoce-page-1.html> (дата обращения: 25.05.2018).

23. *Персиг Р.* Дзен и искусство ухода за мотоциклом: исследование ценностей / пер. с англ. и послесл. М.В. Немцова. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 476 с.

24. *Петров М.К.* Язык, знак, культура. – М.: Наука, 1991. – 328 с.

25. *Петрова Г.И.* Классический университет в неклассическое время. – Томск: Изд-во НТЛ, 2010. – 164 с.

26. *Петрова Г.И.* Философия университетского образования: модификация критериев классического университета в обществе знания: учебное пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2013. – 172 с.

27. *Сапожников О.Я.* Аль-Карауин: ислам и Европа [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. – URL: <https://regnum.ru/news/polit/1885357.html> (дата обращения: 25.05.2018).

28. *Стоу К.* Отчужденное меньшинство. Евреи в средневековой Латинской Европе [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fedy-diary.ru/html/022013/2302013-01a.html> (дата обращения: 25.05.2018).

29. *Уваров П.Ю.* 7 фактов о формировании «содружества живых и мертвых» и логике университетской корпорации [Электронный ресурс] // Postnauka: веб-сайт. – URL: <https://postnauka.ru/faq/24472> (дата обращения: 25.05.2018).

30. *Уваров П.Ю.* Зачем средневековой Европе понадобились университеты [Электронный ресурс] // Университет «Arzamaz». – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QbAeFglNOsY&t=17s> (дата обращения: 25.05.2018).

31. *Уваров П.Ю.* Корпорация толкователей // Культиватор. – 2011. – № 3. – С. 31–40.

32. *Уваров П.Ю.* Университет // Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 544–552.

33. Университетоведение: учебно-методическое пособие / под общ. ред. О.А. Яновского. – Минск: Изд-во БГУ, 2011. – 343 с.

34. History of the university in Europe. Vol. 1. Universities in the Middle Ages / ed. by W. Rüegg. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – 536 p.

35. History of the university in Europe. Vol. 3. Universities in the nineteenth and early twentieth centuries (1800–1945) / ed. by W. Rüegg. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 776 p.

36. Al-karauin: website [Electronic resource]. – URL: <https://www.alquaraouiyyine.com> (accessed: 25.05.2018).

37. *Dmitrishin A.* Deconstructing distinctions: the European university in comparative historical perspective // Entremons: UPF Journal of World History. – 2013. – N 5. – P. 1–18.

38. Ez-zitouna University [Electronic resource]. – URL: <http://www.uz.rnu.tn/> (accessed: 25.05.2018).

39. *Huff T.E.* Historical sociology and civilizational analysis // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2014. – Т. 17, № 2. – С. 26–54.

40. Huff T.E. Review: Saliba G. Islamic science and the making of the European Renaissance. Cambridge: MIT Press, 2007 // Middle East Quarterly. – 2008. – Vol. 15, N 4. – P. 77–79.
41. Huff T.E. The rise of early modern science: Islam, China and the West. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 409 p.
42. Huff T.E. The rise of early modern science: a reply to George Saliba // Bulletin of the Royal Institute for Inter-Faith Studies. – 2002. – Vol. 4, N 2. – P. 15–128.
43. Huff T.E. What the West doesn't owe Islam // Comparative Civilizations Review. – 2012. – N 67. – P. 116–129.
44. Kislov A.G., Smurygina O.V. Forthcoming plans for institutional transformation of Russian higher education // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2013. – Vol. 3, N 6. – P. 438–454.
45. Makdisi G. The rise of colleges: institutions of learning in Islam and the West. – Edinburgh: University Press, 1984. – 378 p.
46. Moutsios S. University: the European particularity. – Aarhus: Department of Education, University of Aarhus, 2012. – 24 p. – (Working Papers on University Reform; no. 18).
47. Nisbet R. The degradation of the academic dogma: the university in America, 1945–1970 [Electronic resource]. – New York: Basic Books, 1970. – 252 p. – URL: <https://www.questia.com/read/100379736/the-degradation-of-the-academic-dogma-the-university> (accessed: 28.05.2018).
48. Saliba G. Flying goats and other obsessions: a response to Toby Huff's "Reply" // Bulletin of the Royal Institute for Inter-Faith Studies. – 2002. – Vol. 4, N 2. – P. 129–141.
49. Saliba G. Islamic science and the making of the European Renaissance. – Cambridge: MIT Press, 2007. – 315 p.
50. Saliba G. Seeking the origins of modern science? // Bulletin of the Royal Institute for Inter-Faith Studies. – 1999. – Vol. 1, N 2. – P. 139–152.

Статья поступила в редакцию 16.02.2018.

Статья прошла рецензирование 05.03.2018.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-2.2-59-83

TO THE POLYGENESIS OF THE UNIVERSITY

Kislov Alexander,

Dr. of Sc. (Philosophy),

Professor of the Department of Philosophy, Culturology and Studies of Art,

Russian state vocational-pedagogical University, Ekaterinburg,

11, Mashinostroiteley st., Ekaterinburg, 620012, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0826-8709,

Scopus Author ID: 57191443970

akislov2005@yandex.ru

Safronovich Irina,

Senior teacher of the Department of Document Management,

History and Legal Support,

Russian state vocational-pedagogical University, Ekaterinburg,

11, Mashinostroiteley st., Ekaterinburg, 620012, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-0155-7295

ResearcherID: O-8264-2017,

isafronovich@bk.ru

Shapko Irina,

Cand. of Sc. (Philosophy),

Associate professor of the Department of sociology and political science,

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg,

26, Kosmonavtov ave., Ekaterinburg, 620017, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-0793-2479

ishapko@yandex.ru

Abstract

The subject of the research is to study methodological approaches of the participants of scientific discussions to find answers to the questions about the nature (origin), essence, mission and the future of the University as a specific social institution. The authors pay special attention to the recognized by the majority of Universities researchers their *differentia specifica* –institutional autonomy and academic freedoms of University/academic community members, that is, the academic/university corporation and the rights of free research, free participation in public polemics and free, including public criticism of all scholars (including authorities) recognized by the whole society.

The research is based on a comparative analysis of the texts of the most representative participants of these discussions. As a result, significant differences were revealed both in the declared positions of the participants of the discussions and in their conceptual bases. The authors recognized as the most important ones - the dichotomy of essentialism and nominalism, as well as monogenetism and polygenetism. In spite of the fact that the most widespread point of view in the academic literature remains on the side of Europocentric monogenetism,

university's researchers, more often testify to the existence of autonomy and academic freedoms in educational institutions, which were founded historically earlier than medieval West-European universities.

In addition, researchers highlight the idea, that academic freedoms are being reduced in modern universities. Thus, monogenetic approach reveals the methodological boundaries, characteristic of essentialism, and encourages a serious attitude towards nominalism and polygenetism.

In conclusion the authors of the paper have to admit the inevitability of diversity of methodological approaches to the notion of "university", like many other notions, which exist and retain their heuristic character in other sciences.

Keywords: University, nature of University, the oldest University, the University's monogenesis, the University's polygenes, the mission of the University, future of Universities.

Bibliographic description for citation:

Kislov A.G., Safronovich I.E., Shapko I.V. To the polygenesis of the University. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 2, vol. 2, pp. 59–83. doi: 10.17212/2075-0862-2018-2.2-59-83.

References

1. Ambarova P.A., Zborovskii G.E. *Vremya sotsial'noi obschnosti* [The time of social community]. Ekaterinburg, Gumanitarnyi universitet Publ., 2017. 347 p.
2. Berman H.J. *Law and revolution: the formation of the western legal tradition*. Cambridge, Massachusetts, London, Harvard university press, 1983. 636 p. (Russ. ed.: Berman G. Dzh. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya*. Moscow, MSU Publ., Infra-M–Norma Publ., 1998. 624 p.).
3. Bikbov A. Sud'ba universiteta [Fate of the university]. *Kul'tivator – Cultivator*, 2011, no. 3, pp. 5–19.
4. Vakhshtain V. Metaforika universiteta [University metaphors]. *Postnauka*: website. (In Russian). Available at: <https://postnauka.ru/longreads/13096> (accessed 24.05.2018).
5. Vakhshtain V. Metafori i metamorfozy universiteta [Metaphors and metamorphoses of the university]. *Kul'tivator – Cultivator*, 2011, no. 3, pp. 20–30.
6. Voronina A.A., Kislov A.G., Kopnov V.A., Permyakova T.V., Chebykina I.V. *Mastera proizvodstvennogo obucheniya v kontekste mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Masters of industrial training in the context of interdisciplinary research]. Ekaterinburg, Russian State Vocational Pedagogical University Publ., 2016. 169 p.
7. Gershovich U. Evreiskoe obrazovanie v drevnosti [Jewish education in the ancient time]. *Evreiskoe obrazovanie: vzglyad uchastnikov* [Jewish education: look of participants]. Available at: <http://havura.info/number/10> (accessed 24.05.2018).
8. Gershovich U. Evreiskoe obrazovanie v Srednevekov'e [The Jewish education in the Middle Ages]. *Evreiskoe obrazovanie: vzglyad uchastnikov* [Jewish education: look of participants]. Available at: <http://havura.info/number/11> (accessed 24.05.2018).

9. Glagoleva E.V. *Povsednevnyaya zhizn' evropeiskikh studentov ot Srednevekov'ya do epokhi Prosveshcheniya* [The daily life of European students from the Middle Ages to the Enlightenment]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2014. 329 p.

10. Svanidze A.A., ed. *Gorod v srednevekovoi tsivilizatsii Zapadnoi Evropy*. T. 2. *Zhizn' goroda i deyatelnost' gorozhan* [The city in a medieval civilization of Western Europe. Vol. 2. Life of the city and activity of citizens]. Moscow, Nauka Publ., 1999, pp. 230–232. Available at: <https://texts.news/istoriya-uchebniki-vsemirnaya/universitetskie-stepeni-56345.html> (accessed 24.05.2018).

11. Dzhurinskii A.N. *Istoriya obrazovaniya i pedagogicheskoi mysli* [The history of education and pedagogical thought]. Moscow, Vlados-Press Publ., 2003. 400 p. Available at: <https://studfiles.net/preview/6023794/page:26/> (accessed 24.05.2018).

12. Donskikh O.A. O vrede professorov v istorii chelovechestva [On the harm from professors in the history of the humankind]. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2010, no. 4 (6), vol. 1, pp. 147–158.

13. Il'penkov E.V. *Dialektika abstraktnogo i konkretnogo v nauchno-teoreticheskom myshlenii* [Dialectics abstract and concrete in scientific-theoretical thinking]. Moscow, ROSSPEN Publ., 1997. 418 p. Available at: http://aleksandr-kommari.narod.ru/Ilenkov_Dialektika_abstraktnogo_i_konkretnogo_v_.htm (accessed 24.05.2018).

14. Khoros V.G., ed. *Islamskaya tsivilizatsiya v globaliziruyushchemyia mire: po materialam konferentsii* [Islamic Civilizations in the globalizing World. On the base of the conference]. Moscow, IMEMO RAS Publ., 2011. 336 p. Available at: <https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2011/11018.pdf> (accessed 24.05.2018).

15. Kislov A.G. Universitet epokhi postakademizma: “Zakat?” [University of the era of post-academism: “Decline?”]. *Obrazovanie i nauka: Izvestiya Ural'skogo otdeleniya RAO – Education and Science: News of the Ural Branch of the Russian Academy of Education*, 2007, no. 2 (44), pp. 107–118.

16. Kislov A.G., Shmurygina O.V. Ideya universiteta: retrospektiva, versii i perspektivy [The university idea: retrospection, versions and prospects]. *Obrazovanie i nauka: Izvestiya Ural'skogo otdeleniya RAO – Education and Science: News of the Ural Branch of the Russian Academy of Education*, 2012, no. 8, pp. 96–121.

17. Kislov A.G. “Zabota ne o sebe” klassicheskogo universiteta [“Care of the Other” of a classical university]. *Vestnik Tomskogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2018, no. 42, pp. 136–144. – doi: 10.17223/1998863Kh/42/14. (In Russian).

18. Korenevskii A.V., Savchuk V.S. Universitet – izmenchivoe postoyanstvo [University as changeable permanence]. *Novoe proshloe – The New Past*, 2016, no. 2. Available at: <http://newpast.sfedu.ru/archive/moi-universitety-2-2016/universitet-izmenchivoe-postoyanstvo/> (accessed 25.05.2018).

19. Le Goff J. *Drugoe Srednevekov'e: vremya, trud i kul'tura Zapada* [The Universities and the public authorities in the Middle Ages and the Renaissance]. Le Goff J. *Drugoe Srednevekov'e: vremya, trud i kul'tura Zapada* [Time, work, and culture in the Middle Ages]. Ekaterinburg, Ural'skii universitet Publ., 2000. 328 p. (In Russian).

20. Legendarnye universitety islamskogo mira. Al'-Karauin [Legendary universities of the Islamic world. Al-Karauin]. *Medine*: website. (In Russian). Available at: <https://tr.medinaschool.org/world/legendarnye-universitety-islamskogo-mira-al-karauin> (accessed 25.05.2018).
21. Fishman D., Vysotski B., eds. *Ot Avraama do sovremennosti: lektsii po evreiskoi istorii i literature* [From Abraham to Modernity: lectures on the Jewish history and literature]. Moscow, RGGU Publ., 2002. 389 p. (In Russian).
22. Pedagogicheskaya mysl' i obrazovanie na Blizhnem i Srednem Vostoke (VII–XVII vv.) [Pedagogical thought and education in the Near and Middle East (the 7–17th centuries)]. *Vospitanie i shkola na Srednevekovom Vostoke* [Education and school in the Medieval East]. Available at: <http://www.profile-edu.ru/vospitanie-i-shkola-na-srednevekovom-vostoke-page-1.html> (accessed 25.05.2018).
23. Pirsig R.M. *Zen and the art of motorcycle maintenance* [Zen and Art of care of the motorcycle]. HarperCollins Publishers, 1984 (Russ. ed.: Persig R. *Dzen i iskusstvo ukhoda za mototsiklom: issledovanie tsennosti*. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., 2011. 476 p.).
24. Petrov M.K. *Yazyk, znak, kul'tura* [Language, sign, culture]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 328 p.
25. Petrova G.I. *Klassicheskii universitet v neklassicheskoe vremya* [The classical university in nonclassical time]. Tomsk, NTL Publ., 2010. 164 p.
26. Petrova G.I. *Filosofiya universitetskogo obrazovaniya: modifikatsiya kriteriev klassicheskogo universiteta v obschestve znaniya* [Philosophy of university education: modification of the criteria of a classical university in a knowledge society]. Tomsk, TSU Publ., 2013. 172 p.
27. Sapozhnikov O.Ya. Al'-Karauin: islam i Evropa [Al-Karauin: Islam and Europe]. *REGNUM*. (In Russian). Available at: <https://regnum.ru/news/polit/1885357.html> (accessed 25.05.2018).
28. Stow K.R. *Otchuzhdennoe men'shinstvo. Evrei v srednevekovoi Latinskoj Evrope* [Alienated minority: the jews of medieval latin Europe]. (In Russian). Available at: <http://www.fedy-diary.ru/html/022013/2302013-01a.html> (accessed 25.05.2018).
29. Uvarov P.Yu. 7 faktov o formirovani "sodruzhestva zhivykh i mertvykh" i logike universitetskoj korporatsii [7 facts about the formation of the "commonwealth of the living and the dead" and the logic of the university corporation]. *Postnauka*: website. Available at: <https://postnauka.ru/faq/24472> (accessed 25.05.2018).
30. Uvarov P.Yu. Zachem srednevekovoi Evrope ponadobilis' universitety [Why did medieval Europe need universities]. *Universitet "Arzamaz"*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=QbAeFgINOsY&t=17s> (accessed 25.05.2018).
31. Uvarov P.Yu. Korporatsiya tolkovatelei [Explanation Corporation]. *Kultivator – Cultivator*, 2011, no. 3, pp. 31–40.
32. Uvarov P.Yu. Universitet [University]. *Slovar' srednevekovoi kul'tury* [The dictionary of medieval culture]. Ed. by A.Y. Gurevich. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, pp. 544–552.
33. Yanovskii O.A., ed. *Universitetovedenie* [The science about university]. Minsk, Belorusskii gosudarstvennyi universitet Publ., 2011. 343 p.

34. Rüegg W., ed. *History of the university in Europe*. Vol. 1. *Universities in the Middle Ages*. Cambridge, Cambridge University Press, 1992. 536 p.
35. Rüegg W., ed. *History of the university in Europe*. Vol. 3. *Universities in the nineteenth and early twentieth centuries (1800–1945)*. Cambridge, Cambridge University Press, 2004. 776 p.
36. *Al-karawin*. Available at: <https://www.alquaraouiyyine.com> (accessed 25.05.2018).
37. Dmitrishin A. Deconstructing distinctions: the European university in comparative historical perspective. *Entremons: UPF Journal of World History*, 2013, no. 5, pp. 1–18.
38. *Ez-žitouna University*. Available at: <http://www.uz.rnu.tn/> (accessed 25.05.2018).
39. Huff T.E. Historical sociology and civilizational analysis. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2014, vol. 17, no. 2, pp. 26–54.
40. Huff T.E. Review: Saliba G. *Islamic science and the making of the European Renaissance*. Cambridge: MIT Press, 2007. *Middle East Quarterly*, 2008, vol. 15, no. 4, pp. 77–79.
41. Huff T.E. *The rise of early modern science: Islam, China and the West*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993. 409 p.
42. Huff T.E. The rise of early modern science: a reply to George Saliba. *Bulletin of the Royal Institute for Inter-Faith Studies*, 2002, vol. 4, no. 2, pp. 15–128.
43. Huff T.E. For what does West owe Islam. *Comparative Civilizations Review*, 2012, no. 67, pp. 116–129.
44. Kislov A.G., Smurygina O.V. Forthcoming plans for institutional transformation of Russian higher education. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2013, vol. 3, no. 6, pp. 438–454.
45. Makdisi G. *The rise of colleges: institutions of learning in Islam and the West*. Edinburgh, University Press, 1984. 378 p.
46. Moutsios S. *University: the European particularity*. Aarhus, Department of Education, University of Aarhus, 2012. *Working Papers on University Reform*, no. 18. 24 p.
47. Nisbet R. *The Degradation of the academic dogma: the university in America, 1945–1970*. New York, Basic Books, 1970. 252 p. Available at: <https://www.questia.com/read/100379736/the-degradation-of-the-academic-dogma-the-university> (accessed 28.05.2018).
48. Saliba G. Flying goats and other obsessions: a response to Toby Huff's "Reply". *Bulletin of the Royal Institute for Inter-Faith Studies*, 2002, vol. 4, no. 2, pp. 129–141.
49. Saliba G. *Islamic science and the making of the European Renaissance*. Cambridge, MIT Press, 2007. 315 p.
50. Saliba G. Seeking the origins of modern science? *Bulletin of the Royal Institute for Inter-Faith Studies*, 1999, vol. 1, no. 2, pp. 139–152.

The article was received on 16.02.2018.

The article was reviewed on 05.03.2018.